

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С32

Составитель — *Елена Доценко*

A95 Серебряный век. Русская поэзия: сборник / сост. Е. Доценко ; предисл. И. Лукьяновой. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 256 с. – (Золотые строфы века). ISBN 978-5-17-115896-5

Серебряный век — один из самых продуктивных, экстраординарных и уникальных периодов как для российской поэзии, так и для мировой. В настоящем сборнике мы постарались представить наиболее полное и разнообразное собрание сочинений поэтов таких литературных школ как акмеизм, символизм, имажинизм.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-115896-5

© ООО «Издательство АСТ», 2019
© М.И. Новгородова, 2019
© М.С. Наппельбаум, фото А. Ахматовой, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

НЕЗДЕШНИЙ СВЕТ

Сначала золотой век, потом серебряный, потом медный, потом железный — гласил древний миф. Про золотой век никто не сомневался: это эпоха, озаренная солнцем русской поэзии. Серебряный век — это не столько градация, от лучшего к худшему, от дорогого к более дешевому, сколько качественное различие. Золотой век — гармоничный, ясный, богатый, щедрый. Серебряный — изысканный, печальный, таинственный. Золотой — Пушкин, Баратынский, Батюшков, Вяземский, Жуковский, Гнедич, Крылов, Одоевский, Рылеев... Серебряный — Брюсов, Бальмонт, Гиппиус, Сологуб, Мережковский, Белый, Иванов, Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Северянин, Хлебников, Маяковский, Есенин, другой Иванов, Цветаева, Бунин, Ходасевич, Пастернак... И так трудно оборвать перечень — а Клюев, а Кузмин, а Мариенгоф... Золотой — сильный, серебряный — хрупкий, с надломом. Золотой — солнечный, серебряный — лунный.

Удивительно, но современники воспринимали это время, которое нам сегодня кажется воплощением изумительного творческого расцвета, как время упадка и вырождения. Впрочем, философ Николай Бердяев уже тогда произнес слово «ренессанс».

Почему же «декаданс», упадок? Конец XIX века — время огромной усталости. От всего — от реализма, от позитивизма, от лицемерной морали, от тисков государства и от антигосударственной проповеди, от обличительной литературы, от гражданственной поэзии. Литература устала. Ее перестал вдохновлять пафос гражданского служения, ей надоело сводить любые человеческие проблемы к социальным; ее затошнило от материализма. Конец XIX века в русской поэзии — необыкновенно унылое время: смерть да смерть кругом. Чуть не всякий лирический герой слаб, болен, утомлен, рвется к чему-то лучшему — а сил нет, и остается только зачарованно вглядываться в смерть.

Но в этой слабости вдруг обнаружилась сила, в жизни оказалось новое измерение: нематериальное, небывалое. Оказалось, что не все можно потрогать руками, что сапоги не выше Шекспира, что душа существует и взыскует горнего, что мир не обязательно изображать реалистически: художник имеет право диктовать реальности свои законы. И упадок обернулся немислимым расцветом.

Новый век открыл для литературы множество источников вдохновения, заброшенных веком практической пользы и здравого смысла. И стало снова можно говорить не о крестьянах и дворянах, а о жизни и смерти, о любви и красоте, о радости и страдании. Поэзия оторвалась

от несжатой полоски и устремилась к вечному.

Отойти от устоявшихся канонов. Позволить себе быть нахальным, взламывать стих изнутри, играть со звуками, пересыпая из, как ребенок красивые камушки, делать их русского языка эльфийский, докапываться до древнерусских корней, доискиваться до смысла флексий, предаваться бурному словотворчеству — оказывается, все можно. Можно окунуться в древнюю языковую стихию, припасть к фольклорным истокам, заклинать и камлать. Можно путешествовать по эпохам и культурам, можно летать, можно своими руками строить будущее — можно все. Ты сам себе закон, ты творец, ты сверхчеловек.

Рациональная рассудочность уступила место иррациональной стихии, логика — интуиции, исследование — прозрению. Поэт уже не описывал реальный мир, а сам создавал миры, становясь творцом, демиургом, соперничая с Богом. Поэт создавал и собственную жизнь; маски прирастали к лицам, люди становились ходячими легендами — заложниками собственного жизнетворчества; клюквенный сок, которым истекал блоковский паяц в «Балаганчике», оказывался настоящей кровью. Грань между жизнью и литературой, жизнью и игрой стерлась — и выдуманная роль оборачивалась трагической реальностью.

Ученые спорят о том, что считать концом

этой прекрасной эпохи — начало ли Первой мировой, Октябрьскую ли революцию, смерть ли Блока или самоубийство Маяковского. По судьбам творцов Серебряного века, по хрупким и причудливым узорам с грохотом прокатил, как танковая дивизия, русский двадцатый век с его бесконечными потрясениями. Начался новый век, железный.

А Серебряный остался светиться нездешним светом — казалось, прочно забытый, замурованный под слоями соцреализма, он вновь был открыт в конце XX века, заново вписан в историю литературы — то нестерпимо дурновкусный, то невозможно прекрасный, то перусложненный и недоступный пониманию, то родной, как мелодия песенки из детства.

Под этой обложкой — лучшие поэты Серебряного века. Очень разные, очень непохожие. Все — ищущие. Все — экспериментаторы, первопроходцы. Молодые, увлеченные, не знающие будущего.

Живые.

Живые и сейчас.

Ирина Лукьянова

СИМВОЛИЗМ

В.Я. Брюсов

К.Д. Бальмонт

И.Ф. Анненский

З.Н. Гиппиус

Д.С. Мережковский

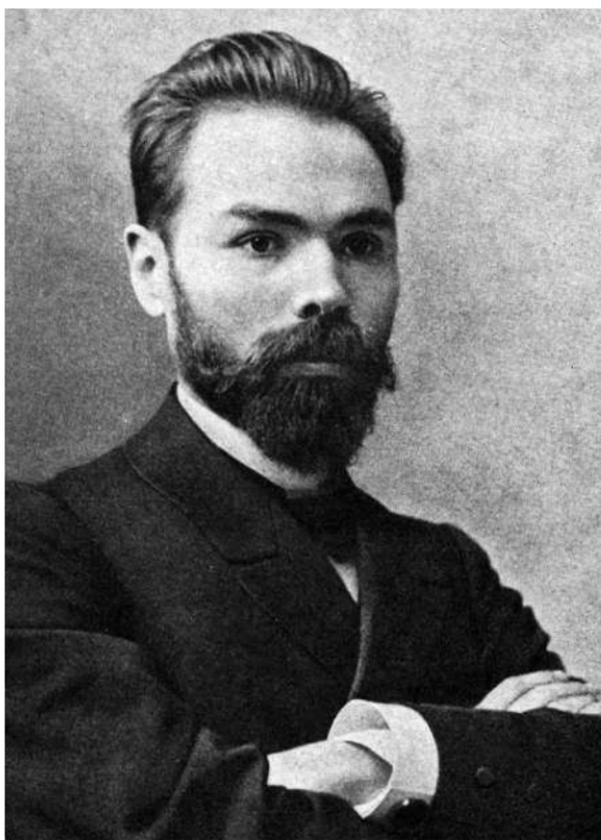
А. Белый

А.А. Блок

**Валерий Яковлевич
БРЮСОВ**

(1873–1924)

Поэт, драматург, переводчик,
литературный критик, основоположник
русского символизма

ТВОРЧЕСТВО

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1895

СОНЕТ К ФОРМЕ

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.

Пускай мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и прелестью сонета,
И буквами спокойной красоты!

1895

Я ЛЮБЛЮ ДРУГОГО

Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого».

Сердца горький лепет
Полон чар былого...
Слышен тихий лепет:
«Я люблю другого».

Смолкни, праздный ропот!
Прочь, упрек! Ни слова!..
Слышен, слышен шепот:
«Я люблю другого».

1896

ЮНОМУ ПОЭТУ

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно,

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

1896

ЖЕНЩИНЕ

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

1899